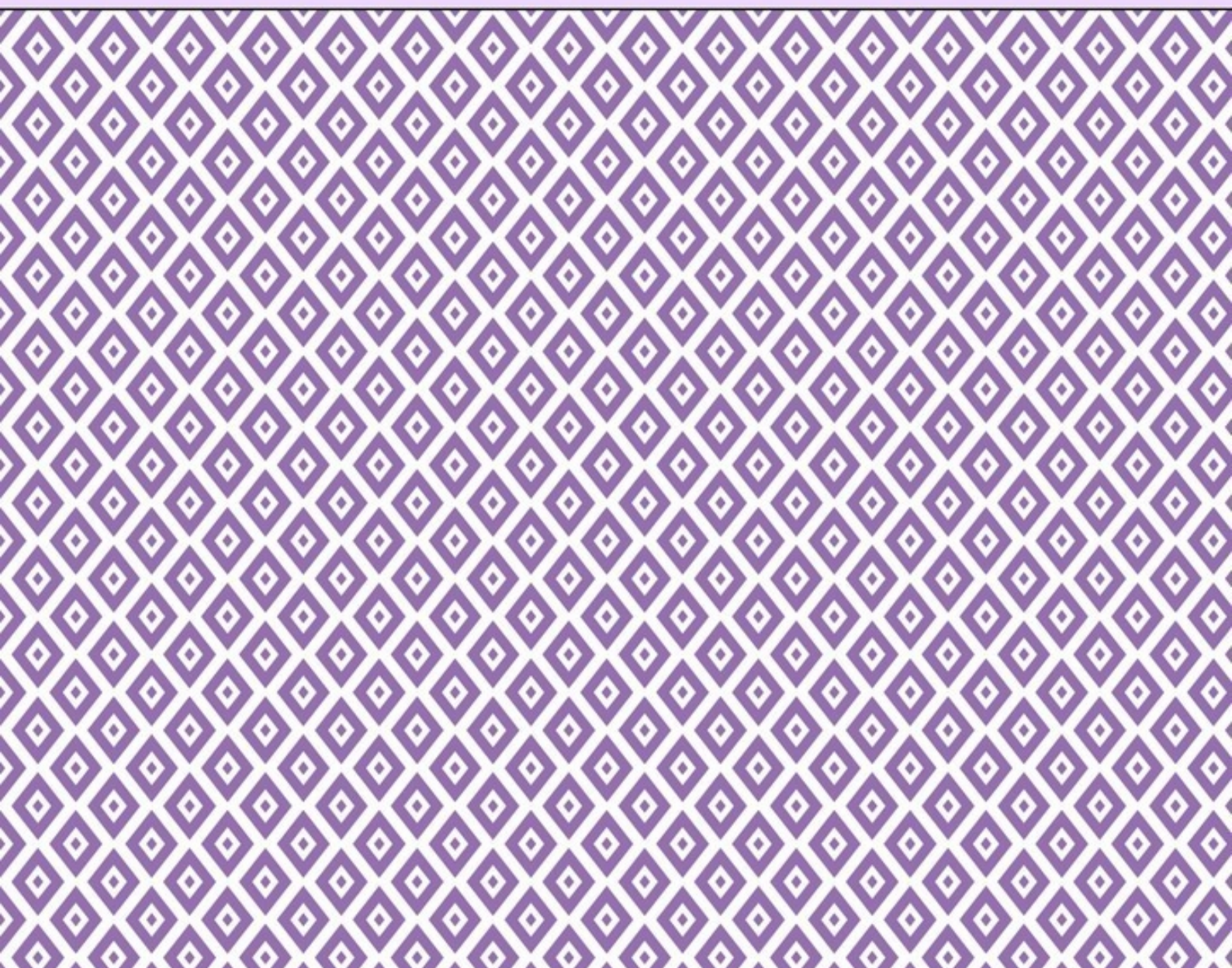

Надежда Осипова

*Было весело в
деревне...*

Надежда Осипова

Было весело в деревне...

«Издательские решения»

Осипова Н.

Было весело в деревне... / Н. Осипова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903109-9

Интересная повесть о деревенской жизни. Красочный язык хорошо сочетается с юмором и честностью изложения. Текст читается на одном дыхании.

Любовь, забавные приключения, увлекательные наблюдения о деревенской жизни, природа и вечные человеческие ценности...

ISBN 978-5-44-903109-9

© Осипова Н.

© Издательские решения

Содержание

Судачат бабы у колодца...	6
Где тонко, там и рвётся...	8
Анархия, Вельветка, Маркиз и прочие...	11
Пернатые друзья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Было весело в деревне...

Надежда Осипова

© Надежда Осипова, 2018

ISBN 978-5-4490-3109-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Судачат бабы у колодца...

Рассказ первый

Утром тёплого августовского понедельника деревенские бабы встречаются у колодца. Перебивая друг друга, спешат рассказать скопившиеся новости. Хотя торопиться им, собственно, пока некуда: скотину и мужиков уже проводили, одних на пастбище, других на работу, а теперь баста – законный женский перекур. Громче всех дерёт горло Марья, по прозвищу Ширшачиха:

– Истинную правду говорю вам, бабоньки. Утопил Витька Кузнецов свой новенький «Беларусь» в болоте за Крутой горой. Как есть утопил, даже трубы не видать. Сёдни бригадир Иван Бабанин искать утопленный «Беларусь» поедет. Сама слыхала, как он молодняк с собой зазывал – пернатых энтих друзей неразлучных – Васю Гусева и Петю Уточкина. Нырять. Вы, грит им, в подводниках служить хотите, вот и привыкайте под водой обитать.

– Куда нырять? Никогда слыхом не слыхивала, чтобы в болото люди за трактором ныряли. Марья, ты часом не рехнулась? Да и сроду никаких болот за Крутой горой не бывало, – возражает ей бабка Верша. – Мы в войну там косили, сено ставили... Плёса большие были, спору нет, тёмные, смотреть в них страшно. Подле бережку купались всё же, труху сенную да пыль смывали... А болот возля нашего Дуракова отродясь не бывало. Без комарья вольно спокон веков деревня живёт.

– Ну, а сам Витька-то Кузнецов игде? – не утерпев, подгоняет соседку Дарья Супруниха.

– Дак в вытрезвитель загремел, ещё вчера свезли. В этом, как его... в Афгане-то, говорят, Витьку шибок контузило, когда долг воинский отдавал, а тут ещё и напился. Бабы рассказывали, что ругался он страшно, с топором на всех кидался, вот и свезли.

Марья ужасается собственной выдумке про топор и вытрезвитель. Хлопает руками по крутым бёдрам, хватается в страхе за цветастый головной платок. Рядом на глиняном взёмчике валяются её коромысло и ведра. Чуть поодаль лёгкий ветерок балуется с подсыхающим репейником, то кружа ему колючие головы, то перегибая недужные листья задом наперёд. Когда, наконец, ветерок понимает, что развеселить хворый репей ему не удастся, то с размаху плюхается в пыль рядом с развалившейся возле забора курицей. Та испуганно кудахчет. К курице ревниво спешит молодой петух с большим красным гребнем. Ветерок в мгновение ока вскакивает, со свистом бросаясь от петуха наутёк. От столь быстрого передвижения в воздухе образуется вертящийся вовнутрь небольшой кружок вихря.

Мимо проходит во всём обмундировании телятница Танька Мулютина:

– Здорово, бабоньки. За кого сегодня переживаете?

Танька смеётся. И телячий наряд – литые сапоги со старым линиялым халатом не портят её яркой красоты. Танька оглядывается, весело машет им рукой, озорно напевая:

Спорят бабы у колодца,

Чей мужик быстрее сопьётся.

Молвит бледная девица:

– Мой уж спился, лёг лечиться.

Бабы молча недобрыми завистливыми глазами смотрят вослед. Когда Танька сворачивает к своему дому в Безымянный переулочек, начинают и ей прополаскивать косточки.

– Говорят, с перепоею только очухалась. По родине тоскует, сказывают, по Чернобылю своему. Пьёт, курит, с чужими мужиками вожжакается, и ничё ведь ей не дается. Только красивше, лахудра, стаёт, – зло судит Ширшачиха.

– Да она же после Чернобыля, бабы бают, как это... мутанткой стала, – не отстаёт в вымыслах и Супруниха.

– Экие вы, черноротые, – плюётся бабка Верша. – Вся деревня знает, что Танька не пьёт и не курит, да и мужиков к себе не приваживает. Весь день-деньской в работе, семьища-то, шутка сказать, сама пятая, а работница-то одна. Старые да малый... И жисть заново начала, все пожитки тамотка побросали. Горе-то какое, страшное горе сколь народу постигло, – причитает бабка Верша.

– А ты чё за неё горой стоишь? Сама-то давно праведницей стала? А кто мужику твоему, Егору, перцу едучего в штаны подсыпал, когда он к Анне на свиданку бегал? Не ты ли это, Вера Лаврентьевна? Его-то быстро выходила, все причендалы ему спасла, а она, Анна-то, вдова солдатская, с ожогом сколь крутилась, считай, заживо сгнила? До самой смертушки тебя за три улицы обходила, – взялась костерить бабку Вершу и Дарья Супруниха. – А к Таньке твоей даже дед Петя Капут кажин вечер ходит, сама видала, и моему Ивану она глазки строит...

Бабка Верша не утерпела. Засмеялась. Наклонившись к околоколодезной глине, нацепила на коромысло полные ведра с прозрачной водой, да пошла, плавно переступая, через дорогу ко двору, крепенько прижимая дужки покачивающихся ведёр к коромыслу. Шагов через пять всё же бросила через плечо:

– Я свою семью в войну спасала, кормильца возля нажитых нами четверых детей удерживала. Бабы одинокие, вдовы которые, моего Егора по косточкам бы растащили, кабы не сражалась против них. А твой-то... Да кому он нужен, сморчок, соплём прибить... Какой с него толк аль прибыток. Ни в постель, ни на работу... В базарный день за гривенник ни одна баба не возьмёт. Лентяй и пьянчуга. А дед Петька Капут к кому хошь пойдёт, даже к вам, чтобы про свой танк «Иосиф Сталин» рассказать, только уши поширше растопырьте.

Супруниха хотела броситься вслед за бабкой Вершей, чтобы выстрелить ей в спину напоследок дурным словом, но помешал нёсшийся на полном ходу сочного голубого колера новый трактор «Беларусь». За рулём сидел Витька Кузнецов, трезвый, в целости и сохранности. Ширшачиха из столбняка вышла первой:

– Отпустили, видать, голубчика. Начальство совхозное выпросило его из отсидки, – на ходу начала сочинять свежую историю. Про утопленный и возвращённый трактор быстро придумать ничего не смогла, смолчала, тут большее время требовалось.

Внимание баб вновь переключилось на Таньку. Та, переодевшись уже во всё чистое, с хозяйственной сумкой поспешала вдоль дороги в противоположном от них направлении. В магазин, – единодушно решили бабы. Талоны на водку отоварить, чтобы не пропали.

– Вот к чему Таньке талонов сразу на восемь бутылок водки кажин месяц в сельсовете выдают, – от души возмущалась Дарья Супруниха. – А ведь в семье у неё в рот никто капли не берёт. Бабки на дух пойло не переносят, а сама Танька только пригубит, слив в компании когда...

Зависть Супрунихи первобытной силой сразу перенесла Таньку из забубенной пьянчужки в непреклонную трезвенницу.

– Это ж сколько доброго для семьи можно сотворить с такой валютой? Ни один мужик не шелохнётся, с места не сдвинется, ежели бутылку ему за работу не предложишь. А с Танькиным водочным запасом по полену ей из самого дальнего колка дров на три зимы мужики натаскают за выпивку – не унималась Дарья.

– А наши-то мужья-дураки сами все водочные талоны выжирают, до дому не успеваешь донести, – в сердцах бросила Марья, громко брякая пустым ведром по колодезному срубам, рывками опуская ручку скрипящего ворота. Бабы от обиды на своих мужиков разом смолкли, будто безотложно вспомнив, что пришли к колодцу этим утром они по делу, за водой.

Где тонко, там и рвётся...

Рассказ второй

Танька Мулютина и в самом деле спешила в магазин отоварить оставшиеся августовские талоны, хозяйственные и продуктовые, чтобы не пропали – в сентябре на них в магазине уже ничего не дадут. Сахар, водка, стиральный порошок и мыло были нынче позарез ей нужны, а вот лапшу с мышинными кашками выкупила лишь для порядка – соседу Якову Григорьевичу отдаст на прикорм борова Бориса, не по-осеннему костлявого от неутомимой уличной сутолоки.

Таньке всегда казалось, что её судьба складывается по случайностям, нелепым, глупым или трагическим, но уж никак не по собственной воле. Вот и сейчас она уже третий год как оказалась на жительстве со всем своим престарелым семейством в деревне Дураково по трагической Чернобыльской случайности. А в Чернобыль их занесло уже по нелепой случайности: её старшая сестра Валька попервоначально попала туда по медицинскому распределению – окончила институт, а потом перетащила их к себе поближе – нянчиться с нажитыми ребятишками. Валька с мужем устроились на хорошие оклады, и им до зарезу понадобились бесплатные няньки. Сама Танька замужем никогда не была – Костя у неё сураз, нагульный. Притащила в подоле по глупости, как не раз говорила мать Устинья, да две престарелые тётки – Фёкла и Матрёна. На роду у Мулютиных счастье в списках, похоже, не значилось: Устинья родила Вальку и Таньку уже в перезрелом для девки возрасте, девчонок отец признал, удочерил, но как-то уж очень быстро после запоздалой свадьбы переместился на кладбище. А Фёкла и Матрёна вовсе замуж не выходили, их жениховский возраст поубивало на войне, так что Костя Мулютин воспитывался в полном матриархате, как любил говаривать их ближайший сосед Дураков Яков Григорьевич. По причине сплошной невезучести старшая сестра Валька, с малолетства расчихав это обстоятельство, старалась всегда действовать хитро и нахраписто, не допуская глупых и нелепых случайностей, хотя трагические в её жизни всё же проскальзывали. Вот и теперь она сбавила мать и тёток к Таньке в деревню, а сама с мужем и ребятишками обосновалась в семидесяти от них километрах – в городе. И к родным наезжала только по выгоде – за дармовыми продуктами, картошкой, мясом и зеленью.

Выкупив водку, сахар и мыло с порошком, Танька рванулась в обратный путь до дома. Как ни старалась, не могла припомнить, когда она хаживала по деревне не спеша, вразвалку. Всё бегом да бегом, как борзая собака на охоте. Вот и теперь продохнуть некогда, наметила сегодня перемыть полы в доме – бабки совсем устарели, к домашней работе, которая в наклон, почти непригодны стали, а после надобно сызнава поторапливаться на совхозный телятник, чтобы напоить, накормить телятишек, да подстилку им переменить. Два телёнка в её телячьей группе болеют уж с неделю как, ещё не совсем оправились, надо будет поить их сначала травяным отваром, а потом молоком из алюминиевого бидона с соской, как малышей. И мордочку вытирать полотенцем после кормления, как малым детям. Не зря бабы на телятнике говорят: «На работе – телята, а дома – ребята». Без любви на такой работе – никак. А завтра ещё солонее день выпадает – телят будут взвешивать. Конец месяца всегда такой хлопотный. Танька работает на ферме подменной телятницей. Заменяет товарок, которые в отпуске, либо болеют. Летом куда легче было – работала на выпасах с молодняком, а теперь опять в младшую группу попала. Зойка Степанова в отпуск выпросилась – у неё двое сыновей-школьников, – проследить, направить их на учёбу надо. У Таньки Костя тоже в этом году в школу пойдёт в первый класс, сама в отпуск хотела, чтобы честь по чести проводить, на линейке постоять. За себя и за придуманного ею папу-героя-лётчика, который «погиб» на северном полюсе, потому как и могилки у него нету. Всё про героического папу продумала, до мелочей просчитала, даже

детдом в ребячестве ему приписала, чтобы и родни у погибшего героя не оказалось, хотела Костю от материнского позора уберечь, с детской поры не ранить греховностью, которая выпала ей как глупая случайность. Сын пока верит мамкиным красивым сказкам, а потом... вырастет. Может, поймёт да пожалеет мать, а может, и укорять станет, что безотцовщиной одна его поднимала.

Своей статью, молодостью и красотой притягивала она внимание не только деревенских мужиков, но и бабы ревнивых глаз с неё тоже не спускали: куда пошла Танька, какое платье надела, с кем и о чём говорила – имели о подобных мелочах доскональные подробности, как будто следом за ней по всему дню хаживали. И сплетни вокруг её имени создавались тоже нешуточные. Стояли как-то раз телятницы в совхозной конторе в кассу за зарплатой. Их бригадир Захар Плотников долго ходил по кабинетам, а потом поделился своей озабоченностью:

– Врач сердечный в районной поликлинике прописал мне совет – на курорт съездить, или, на худой конец, в дом отдыха, чтоб передышку себе от работы устроить хоть недельки на две...

Танька пребывала в глубокой задумчивости, подсчитывала семейную нужду и деньги, куда и на что их потратить, а потому, не особо подумав, ненароком и брякнула:

– Мне кажется, Захар Иванович, что с худым концом в доме отдыха делать нечего...

Шутке посмеялись, но уже к вечеру вся деревня знала, что Танька забракowała телячьего бригадира Захара Плотникова. Значит, располагает персональными сведениями, – поставили бабы в один голос. А Захар весь вечер и половину ночи оправдывался перед женой за тайную связь. Сама Танька уже почти привыкла, что деревенские бабы по утрам у колодца укладывают её собственными домыслами в постель с женатыми мужиками по совершенно голословным причинам.

Замуж один разок выйти ей всё же пришлось, хоть и не по своей воле, но мужниной женой пробыла ровно два с половиной дня, – это когда скотник Ванька Косой к ней посватался и в дом к себе позвал жить. Бабки в три голоса принудили, выходи да выходи, мужик рядом будет, баню им построит, стайку тёплую для скотины поставит, да пол в кухне перестелет. Танька, скрепя сердце, ради близкой своей родни согласилась. Но в замужестве с первого часу у неё всё из рук валилось, за какое бы дело ни бралась. Пересиливала себя. Плакать себе не позволяла, слёзы сдерживать старалась, а улыбаться сразу перестала. С окаменевшим лицом по дому бродила. День терпела, ночь терпела. Потом ещё день и ещё ночь. А в обед поднялась из-за стола и ушла домой, даже суп не дохлебавши. Не смогла. За мужика в деревне без любви нельзя идти, потому как в семье все дела надо сообща вершить. А как работу ладить, когда с души воротит. И ночью лицом к стенке спать тоже тяжело, лучше одной как-нибудь. Без бани и без сарая. Зато без душевного обмана, со светлой радостью и спокойным сном. А дома-то мать и тётки опять в три голоса точить стали, что да почему, назад отправляют к Ваньке в дом возвратиться. Танька сносила долго ругань старух, с месяц ещё и их терпела, а потом возьми и скажи, что к такому мужу, как Ванька Косой, в придачу увеличительное стекло бабе надо в первую же ночь выдавать. Как кто подслушал, и чужих близко никого не видно было, а уже на завтра к обеду вся деревня знала, что Танька, как на телескоп денег накопит, так к Ваньке и вернётся. Его даже бабка Верша у колодца пожалела: «Надо же, – говорит, – таким инвалидом уродиться, косой, да ещё и в штанах пусто, вот горе-то какое». Ванька беспробудно запил, а Танька опять на всю деревню прославилась. Так с той поры и зареклась она замуж без любви выходить, мужиков ни за что ни про что гробить.

В любой обстановке, хоть глупой, хоть трагической, старалась Танька добротой к людям спасаться. А от повальной серости будней защищалась радостным настроением – смеялась, когда душа плакала, да пела песни и весёлые частушки. Иногда даже пыталась сама подбирать слова так, чтобы получалась хорошая песня, которая освобождала бы душу от боли. Когда что-то не ладилось, либо захлёстывала обида, чтобы не давать человеку стгоряча сдачи, сочиняла

частушки-нескладушки, да распевала их в дороге либо на работе, пока не наступало глубокое успокоение. «Лучше смеяться сквозь слёзы, выглядеть полной дурой и петь глупые частушки, чем казаться умной и доводить людей до трясучки, а потом до полуночи исходить стыдом за ответную злобу», – вывела как-то раз Танька свою простенькую жизненную философию. Так и жила. Открыто, с улыбкой, песней и частушкой на все случаи жизни, какие выпадут, хоть нелепые, хоть глупые, хоть и трагические. Когда её спозаранку бабы на телятнике спрашивали, как идут дела, она им в ответ лишь шутливо распевала:

На луну я волком выла:

Как же дальше буду жить?

Выла, выла и решила:

Надо мне на всё забить!

Анархия, Вельветка, Маркиз и прочие...

Рассказ третий

Сосед Яков Григорьевич позвал Таньку на будущей неделе съездить в дальний Калиновый колок побрать шиповника, да заготовить метёлок на зиму. Его лошадь, по кличке Анархия, характер имела до того скверный, что хуже некуда, и упряжем ходить, хоть с телегой, хоть с саними, попросту брезговала. Людям Анархия повиновалась с большим трудом, жила по своей воле, и всегда творила, что хотела. Запрячь её можно было лишь долгими уговорами, потчuya хлебными корочками после каждой подвижки с упряжью. К хлебному угощению её приучил Яков Григорьевич, но и его она слушалась через раз. А поскольку другие конюхи и скотники с рёвом и злобным матом от неё во всякий день отказывались, то именно ему и выпадало годами с ней работать, но уже по другой причине – его чересчур покладистого характера. Когда Яков Григорьевич уволился из совхозных конюхов на пенсию, то и Анархию из-за непочтительного норова, на конюшне оставлять тоже не захотели. Коллективно умаявшись после его ухода с непокорной лошастью, единодушно предпочли следом за Яковом и её списать – отправить в городской мясокомбинат на колбасу.

Сказано – сделано. Конюхи написали совместную докладную бригадир, бригадир изготoвил в свою очередь бумагу для управляющего Заречным отделением, а тот уже со всей «документацией» поспешил к главному зоотехнику. Отправить на мясо не старую ещё лошадь у главного зоотехника рука всё же не поднялась, и он двинул стопы в кабинет директора. В деревне Дураково, где находилась центральная усадьба совхоза «Путь коммунизма», как говаривала Марья Ширшачиха, директора менялись сезонно, – зима, лето, осень, весна, либо поквартально, как карта ляжет. Всё зависело от погодных условий. Не успевали сельчане запомнить имя директора, а его уже снимало с работы верхнее районное начальство, как не справившегося либо с посевной, либо с уборочной, причина находилась всегда. Новый директор сел в кресло неделю назад, и так скоро терять не согретое ещё место из-за сомнительного, на его взгляд, списания здоровой рабочей лошади не хотел, поэтому вник в мельчайшие подробности лошадиной истории. Представленным бумагам не поверил, и потому возымел желание съездить на конюшню, чтобы самолично познакомиться с Анархией. Он попросил бригадира запрячь кобылу у него на глазах. Двое конюхов хомут на шею Анархии кое-как продёрнули, седёлку на спину тоже как-то накиннули, но набросить на лошадиный зад шлею уже не смогли. Лошадь поначалу лягалась, кусалась, вставала на дыбы, а потом, когда обиденная колготня ей поднадоела, разметав упряжь и конюхов по скотному двору, ускакала на волю. Потрясенный директор, выпутавшись из прилетевшей на него конской сбруи, от пережитой жути смог выдохнуть только одно слово:

– Списать.

Когда Яков Григорьевич прознал, что его Анархию скоро свезут на скотобойню, то сразу побежал по начальству с просьбой о продаже. Лошадиная история повторилась, Дураков Яков проделал тот же путь по списанию лошади, как бригадир и управляющий, но в обратном направлении. Все мелкие и крупные начальники только разводили руками, мол, поздно уж, дело решённое. Оставался только директор совхоза. Тот оказался всё же человеком хорошим и, несмотря на происшествие с лошадиной сбруей, Якову уступил, наложив резолюцию в углу заявления: «Продать бывшему конюху Дуракову Я. Г. по цене мяса за многолетний труд». Марья Ширшачиха наложила сверх директорской свою устную резолюцию: «Сбагрили норовистую лошадь старому дураку Якову, потому что тот три дня на пузе перед новым директором елозил. И отвязаться от неё решили всего лишь потому, что с лошастью не стало сил мучиться,

а до города доставить такую упористую скотину неисполнимо, да и во всём Дураково приколоть её на мясо никто из мужиков тоже не рискнул бы – она сама кого хошь первой уколошит».

Так или иначе, но только Яков Григорьевич, стремглав заплатив в совхозную кассу деньги, столь же быстро обменял квитанцию с подписанным заявлением на лошадь с уздечкой. Обе стороны с великой радостью произвели обмен, как говорится, из рук в руки. В Дураково Якову Григорьевичу завидовать не стали, но отнеслись с пониманием, что жить спокойно на пенсии без привычных многолетних мучений с проклятушей Анархией, по деревенскому мнению, ему было шибко скучно.

Глуховатая Степанида Мироновна, жена Якова Григорьевича, сразу переименовала Анархию в Холеру, и в собственный двор из дому выходила теперь существенно реже и только с молитвой. Анархия в первый же день на новом месте произвела, по выражению Степаниды Мироновны, «перетрубацию». Что означало столь странно звучащее слово и где урвала его себе Степанида Мироновна, никто не знал, но зато в Безымянном переулке все жители наглядно удостоверились, что про лошадиный норы им не наврали. Яков Григорьевич ещё и стакан чая на радостях не допил, как Анархия, начисто разметав прясло, уже паслась на Танькиных клумбах. Хозяйка съеденных астр и георгин ругаться не стала, а мирно поговорив с Анархией и ласково огладив гриву, в столь же спокойном порядке водворила её на прежнее место. Возможно, в благодарность за потраву цветов, либо за установленные добрососедские отношения, только лошадь теперь регулярно приходила удобрять опустевшие Танькины клумбы. Мулютины старухи хором ругались, Анархия устраивала смердящие водопады напротив их крыльца, навозные мухи роились над конскими лепёшками, Танька всякий раз смеялась, а дед Яша постарался извлечь из ситуации обоюдную соседскую выгоду. Так стали заготавливать они с Танькой «зимние резервы» на два двора – веники, метёлки и ягоду, все хозяйственные нужды совместно справляли теперь на Анархии.

Как-то в начале сентября Танька поехала на автобусе обудёнком в город – в парикмахерскую. С малолетства носила она русую, в руку толщиной, косу. Но после черныбыльской трагедии волосы секлись, росли плохо, и на Таньку в особо трудные времена обрушивалось желание косу остричь, да и в частуху приходилось ей слышать, что по народным приметам, если нападала на человека хворь, либо случались прочие житейские неприятности, то лучше волосы обрезать, дабы освободиться от напасти, – на кончиках волос, дескать, всё чёрное зло скапливается. И теперь она просто-напросто загорелась охотой вместо надоевшей косы сделать себе короткие кудри. К мастеру в парикмахерской она не попала, там обслуживали строго по блату – якобы по предварительной записи, зато привезла в сумке с городской привокзальной помойки мелкую полудохлую собачонку. Дома отмыла её с хозяйственным мылом в тазике, просушила банным полотенцем, а потом выцыганила у Степаниды парного молочка для новой своей квартирантки. С неделю поила собачонку с ложечки, спать укладывала на подушку рядом с собой, как малого ребёночка. Вопреки всеобщему мнению, собака вскоре одыбалась. Только оказалась такой звонкой и бесстрашной, что сначала на неё прибегали дивоваться ребятишки с соседних улиц. Костя за мягкую шерстку прозвал собачку Вельветкой.

Постепенно Вельветку, кроме малых ребят, стала бояться вся живность в округе. Не только коты, но и взрослые мужики старались теперь Безымянный переулок обходить стороной. Даже Анархия, опасаясь мулютинской Вельветки, Танькины клумбы унавоживать перестала, и обильно удобренная земля принялась прытко прорастать лопухами.

Вскоре прибил к дому Мулютиных ещё один квартирант – трёхногий кот бурой масти. Как-то поехали Яков Григорьевич с Танькой на мельницу – перемолоть выданную в совхозе пшеницу на муку и дроблёнку. Между мельницей и котельной, где ждали своей очереди помольщики, прыгал промеж транспорта трёхногий замурзанный кот. Танька по сердобольности разок-другой почесала у кота за ушками. Ездить на мельницу пришлось ещё два дня, и кот от Таньки уже не захотел отлипнуть, без опаски месил грязь тремя лапами возле их телеги.

Последним рейсом она позвала бурого, похлопав рядом с собой по мешку. Дважды приглашать его не потребовалось – кот ласточкой взмыл на воз, и увечье в этом ему нисколько не помешало. Дома Танькины старухи зароптали в три голоса:

– Совсем девка сдурела! Пошто ветер-то у тебя в голове? Кошачьего калеку в дом приволокла! Всяких уродов со всех помоек в дом натаскала. Можно было и доброго котишку сыскать, коль охота напала...

Кот слушал старух с гордо поднятой головой. С чувством собственного достоинства он позволил и Вельветке обнюхать себя с головы до хвоста. Танька за мудрое терпение и благородную осанку прозвала кота Маркизом.

После погрома, устроенного Анархией на новоселье, Яков Григорьевич втыкать вдругорядь жерди в прясло поленился, и жили теперь соседи запросто, одним двором. Вечером с пастбища приходила во двор стоумовая корова Марта, самостоятельно открывая мордой запор с внутренней стороны калитки. За удой она давала ведро молока, но, чтобы её подоить, надо было верёвкой быстро обмотать задние ноги – Марта лягалась. Степанида утверждала, что корова у них очень хорошая, не скандальная, но деликатных кровей, по сей причине страшитесь щекотки. Молоко она давала густое, благодаря чему хозяева спокойно терпели её брыканье из года в год. В последнее месяцы и Танька постигла науку доить Марту, дородная Степанида Мироновна, накопившая почти два центнера личного веса, частенько прихварывала. Как только с пастбища пастух прогонял вдоль улицы коров, а Марта запускала себя во двор, то за калиткой начинал визжать дураковский боров Борис. Чтобы Бориска не одичал, день-деньской околачиваясь промеж деревенских луж, и дом свой знал, Яков Григорьевич намешивал ему в поило остатки хозяйской еды, измельчённые капустные листья, а также морковную, свекольную и брюквенную ботву с огорода, и вечером выливал месиво через прясло прямо в корыто. Борову шли и картофельные очистки в распаренной дроблёнке, чтобы на рёбрах у него нарастало сало, – так уж испокон веков устроено безотходное крестьянское хозяйство, когда одно дело с немалой выгодой поддерживает другое.

Всеми дворовыми делами нынче благополучно управляла Вельветка. Она урчала перед дойкой на Марту, сортировала кур и петухов на пришлых и своих, гоняла вдоль дороги чужих котов, помогала запрягать Анархию. Норовистая лошадь стояла почти спокойно, если прямо перед собой лицезрела махонькую рычащую Вельветку, готовую в любую секунду бесстрашно вцепиться ей в морду. На хлопотные сборы за метёлками и шиповником прискакал понаблюдать и Маркиз, он теперь всегда провожал Таньку и Якова Григорьевича в дорогу, прыгая за телегой на трёх лапах до самых ворот.

Калиновый колок располагался между двумя лысыми сопками километрах в пяти от деревни. Дорога к колку, суетливо извиваясь, поспешала среди полей с вызревшей пшеницей. Небольшие облака, как белые куры, лениво разбрелись по просторному небу. Толстые суслики, совсем как люди, стоя на задних лапках, перекликались беспокойным свистом. Жили они вокруг полей целыми колониями, хлеба в совхозе хватало на всех. Уборка урожая уже шла полным ходом. Зерноуборочные комбайны «Нива» трудолюбиво ползали по полям, как сытые шмели. От ближнего комбайна отъезжала гружёная машина – ещё не осыпалась по кузову остоверхая пшеничная горка, а из бункера на землю вытряхивались едва заметные на расстоянии остатки пыли попеременно с пшеничными остями. Из кабины старенькой переваливающейся с боку на бок по соломенной щетине убранного поля машины лихо неслась песня разудалого шофёра Петьки Уточкина, внука деда Петра, по прозвищу Капут, их соседа по Безымянному переулку. Танька в ответ пропела ему частушку:

Ехал по полю шофёр
И остановился!
Развалился весь мотор,
Шофёр матерился!

Калиновый колок сыто нежился на нежарком осеннем солнышке. Упрямо растопырили длинные иглы круглые кусты боярки. Калина, как красна девица в деревенском хороводе, готова была ринуться в лихой пляс, чтобы только похвастаться перед подружками богатым убором из ягод. Скромно присел на корточки среди столь броских барышень подсыхающий шиповник. Листья на берёзах лишь кое-где конфузливо проблёскивали желтизной, словно начинающая сесть красавица. Как распутная девка приглашала отведать ядовитых плодов волчья ягода, бесстыдно устроившись возле самой тропки.

– Таня, дочка, может, сначала поберём шиповника и боярышника, Степанида моя совсем уж часто прибалывать стала, свеженьких витаминков бы ей, а за метёлками и калиной вдругорядь съездим?

– Да по мне, Яков Григорьевич, хоть и насовсем бы поселиться в такой красоте. Сейчас поберём, конечно, и потом ещё съездим. Лишь бы только Анархия домой раньше времени без нас не ускакала.

Обобрав ближайшие кусты шиповника и боярышника, Танька бросилась наверх по крутому склону колка, едва слышав визгливый лай Вельветки, по опыту зная, что приспела пора бежать вдогонку за капризной лошадей, которой наскучило пастись на лесной полянке.

Воротив непутёвую Анархию и набив воз под завязку не столько ягодой, сколь свежей травой, – в деревне было не принято возвращаться из леса с полупустыми руками – прытко спускались Танька и Яков Григорьевич на телеге по кочковатой дороге в обратную сторону. Дед Яша незлобиво стыдил непокорную Анархию, а Танька во всё горло распевала частушку:

У моего милёночка
Плохая лошадёночка.
Не доехал до горы —
Его заели комары!

Вельветка, подняв к небу узенькую мордочку, скорбно подвывала, будто пробуя вместе с хозяйкой спеть её озорную частушку.

Пернатые друзья

Рассказ четвёртый

Через дорогу напротив Таньки и Якова Григорьевича жили Гусевы и Уточкины. Семья Гусевых из восьми человек постоянно пребывала в работе. Иван Гусев, отец семейства, шестой год как имел пенсию по инвалидности. Ему оторвало на зерноскладе механизмом руку в ночную смену уборочной страды. Жена его, Агафья Павловна, работала на ферме дояркой. А шестеро их детей, старшего из которых звали Васей, колготились с отцом и матерью в маленькой избёнке на шестнадцати метрах жилплощади и двадцати восьми сотках огорода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.